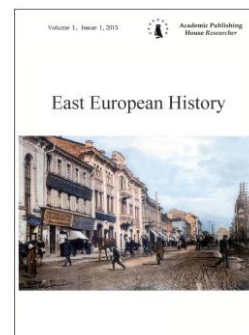

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 East European History
 Has been issued since 2015.
 E-ISSN: 2500-1310
 2018, 4(1): 43-50

DOI: 10.13187/eeh.2018.1.43
www.ejournal49.com

Historical Memory of the Kuban Cossacks: Translation-Transformation-Continuity in Terms of Modern Model of the Russian Society (the beginning of the XXI century)

Andrei V. Dyukarev ^{a, *}

^a Institute of Special Secondary Education of the Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The article actualizes the crisis mechanism "translation – transformation – continuity" of historical memory the Kuban Cossacks as one of ethno-social groups in Russian society. Kuban Cossacks actively integrating into Russian society, reborn after a long period of latent existence in the Soviet state and political system. In trying to find their identity Kuban Cossacks refers to the historical memory in the face of problems of its translation, transformation and continuity due to the peculiarities of development of modern Russian society.

Keywords: Kuban Cossacks, historical memory, ethno-social identity, translation, transformation and continuity of the historical past, the development of Russian society.

1. Введение

После крушения СССР на постсоветском пространстве обозначилось новое социальное явление в лице возрождающегося казачества. Сам процесс возрождения затронул самые разнообразные сферы – культурные традиции и обычаи, научные исследования, государственную службу и историческую память. Кроме того, рост казачьего самосознания, наряду с появлением казачьих структур, происходил как на территории традиционного расположения дореволюционных казачьих войск, так и в местах, не имеющих казачьих истоков.

Потомки кубанских казаков активно включились в процесс возрождения российского казачества, и сегодня представлены как Кубанским казачьим войском, взявшим на себя обязательство несения государственной службы, так и целым рядом других общественных организаций.

Актуализация обозначенного нами вопроса имеет несколько оснований:

Во-первых, историческая память является необходимым механизмом сохранения и функционирования общества любого исторического периода и политического строя. В контексте российского социума историческая память определяет стабильность единого социокультурного пространства, и соответственно целостность России. В условиях структурных трансформаций, затрагивающих глобально-планетарный и региональные уровни, именно механизм преемственности исторической памяти определяет вектор этно-социального движения: обострение или сглаживание, конфронтацию или консолидацию.

Во-вторых, историческая память перестала быть уделом ученых-гуманитариев, а стала предметом пристального интереса государства. Историческая память становится

* Corresponding author

E-mail addresses: mr.dk72an@yandex.ru (A.V. Dyukarev)

инструментом влияния на общество, корректирующим в нужном для политической элиты диапазоне общественные настроения и идеологические установки.

В-третьих, сложный процесс интеграции казачьего компонента в современную структуру общества предполагает наличие обязательных взаимосвязанных категорий – этно-социальной идентичности и исторического самосознания, в основании которых лежит историческая память.

В-четвертых, на территории традиционного проживания, а ныне возрождения кубанского казачества, в Краснодарском крае, активно внедряется казачий компонент в региональную систему образования. Это предполагает не только открытие школ и классов казачьей направленности, но и опору на историческую память кубанского казачества, которая складывалась на протяжении веков.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали монографические исследования и материалы журналов. В исследовании использовались следующие методы познания: системный, сравнительный и историко-биографический метод. Автор использовал системный метод, рассматривая кубанское казачество, и, шире российское как единый феномен, систему, развитие которого подчиняется определенным принципам. В данном случае динамическая эволюция кубанского казачества рассматривается в контексте и в привязке к тем системным преобразованиям, которые происходили в российском государстве и обществе.

При изучении трансформационных процессов в определенные исторические периоды применялся сравнительный метод. Смена приоритетов в использовании казачества и понимания его места в системе российского государства отражались на содержании документов правительства и идеологически выверенной литературе о прошлом кубанского казачества, которые требуют сравнительного анализа для выявления и подтверждения динамического состояния исторической памяти.

Поскольку большая часть трудов по историческому прошлому кубанского казачества носила авторский характер, то применялся историко-биографический метод. Анализ идейной убежденности авторов и внешних причин, влиявших на их творчество, помогает понять авторскую логику, формирующую историческую память кубанского казачества.

3. Обсуждение

Историческая память имеет множество трактовок и определений, данных отечественными исследователями как с опорой на основоположников обозначенного научного направления (Нора, Озуф и др., 1999; Хальбвакс, 2005; Хальбвакс, 2007), так и на собственные теоретические разработки (Тощенко, 2000; Кознова, 2003; Репина, 2005; Романовская, 2010; Савельева, Полетаев, 2005).

Применительно к исторической памяти кубанского казачества как одной из социоэтнических групп, наиболее приемлемо понимание исторической памяти как символического представления о прошлом, сохраняющего смыслы, ценности, образцы и формы поведения, и выступающая как необходимая коммуникация с прошлым, являясь одним из проявлений социальных начал жизни, предложенное И.Е. Козновой в ходе выступления на конференции «Проблемы российского самосознания: историческая память народа» (Проблемы, б/г).

Историческая память кубанского казачества началась формироваться задолго до появления его как войсковой и сословной структуры Российской империи, однако наиболее интенсивно этот процесс протекает в период конца XVIII– начала XX вв. У истоков исторической памяти кубанского казачества лежит славное прошлое Запорожской Сечи, откуда берет начало Черноморское казачье войско, ставшее позже составной частью Кубанского казачьего войска. Отдельной страницей является переселение черноморских казаков на Кубань, где смешались ностальгия по запорожской вольнице, гордость за победы над турками в войнах на территории Новороссии, радость от вновь приобретенных земель на Кубани.

Основой исторической памяти кубанского казачества стали военные мотивы, участие и подвиги в войнах XIX–начала XX вв. Как отмечает О.В. Матвеев «...Ключевыми элементами

системы исторических представлений кубанских казаков выступают образы войны, включающие особенности восприятия ее причин, мотивов, характер и масштабы, соотношение сил, перспективы, которые, как правило, видятся благоприятными для себя и неблагоприятными для противника» (Матвеев, 2007: 36). Помимо военных мотивов историческая память кубанского казачества вобрала в себя трагические страницы Гражданской войны, рассказывания и коллективизации 20-30-х гг. XX века.

Важнейшей проблемой функционирования исторической памяти является возможность ее трансляции, передачи последующим поколениям и соответствующего социокультурного и педагогического воздействия на них.

У кубанского казачества историческая память в своем эволюционном развитии прошла несколько этапов:

- устная (народная) трансляция (конец XVIII – середина XIX вв.);
- письменная трансляция (середина XIX – начало XX вв.);
- устная (семейная) трансляция (20-30-е – 90-е гг. XX в.).

В период заселения и хозяйственного освоения Кубани, происходит и формирование исторической памяти кубанского казачества. В этот период она складывается и транслируется в устной народной форме.

С середины XIX века, с развитием образования и появления образованных, пытливых, одаренных литературным талантом представителей кубанского казачества, начинается этап письменной трансляции исторической памяти. Ярким примером являются произведения И.Д. Попко, Я.Г. Кухаренко, где историческая информация о кубанском казачестве передается как в форме структурированного, подверженного анализу материала, так и в виде художественных произведений, передающих яркие эпизоды жизни казачества (Кухаренко, 1861а: 21-25; Кухаренко, 1861б: 6-41; Попко, 1872; Попко, 1998).

Вторая половина XIX и начало XX вв. характеризуются стремлением исследователей Черноморья и Кубани перейти от сбора фактического материала к научному осмыслению социальных, экономических, культурных процессов, происходивших с кубанским казачеством на Кубани в XIX веке. В этом плане показательны работы таких известных кубанских историков и краеведов, как П.П. Короленко, Е.Д. Фелицына, Ф.А. Щербины (Короленко, 1874; Короленко, 1892; Короленко, 1901; Короленко, 1905; Короленко, 1896; Фелицин, 1888; Щербина, 1910; Щербина, 1913). Эти авторы комплексно подошли к изучению истории Кубани и результатом их исследований явилось целостное изложение истории Кубани, что оказало значительное влияние на процесс формирования и содержание исторической памяти кубанского казачества.

После Революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны, суровых реалий советской жизни 20-30-х гг., историческая память кубанского казачества претерпела кардинальные изменения. К имеющимся образам и примерам военных подвигов и служения Отчизне добавилась память о боли потерь близких и родных, унижении, гонениях.

В период 30–90-е гг. XX века историческая память кубанского казачества развивалась опять в устной традиции, но уже не народной, а семейной. Казачество как этническая социокультурная группа было рассеяно, и подверглось насильственной ассимиляции со стороны Советской власти. В связи с этим процесс развития исторической памяти кубанского казачества в рамках Советского государства приобрел латентный характер, сведения об историческом прошлом, традициях и обычаях, жизни своих предков передавались в казачьих семьях из поколения в поколение с большими предосторожностями.

Переходя непосредственно к проблеме трансляции исторической памяти кубанского казачества необходимо отметить, что в период до 1917 года использовались все доступные варианты трансляции и передачи последующим поколениям разноплановых компонентов исторической памяти о своем прошлом, духовных ценностях, нравственных ориентиров. «На полноту и достоверность исторических представлений кубанских казаков влияли семья, станичная община, полковое сообщество, войсковая среда, традиционная культура и индивидуальность хранителя исторической памяти» (Матвеев, 2007: 35).

Трансляция исторической памяти кубанского казачества в XIX – начале XX вв. свою была успешно реализована, исполнив свою миссию. В условиях переселения казачества на новые земли, хозяйственной колонизации и общественного обустройства Кубани,

трансляция исторической памяти последующим поколениям являлась механизмом решения этнокультурных задач, этнической и сословной самоидентификации кубанского казачества.

В рамках функционирования советского общества, историческая память кубанского казачества находилась в «законсервированном» виде, механически передаваясь из поколения в поколение, не имела возможности решать свои социализирующие и педагогические задачи.

Лишь с начала 90-х гг. XX века историческая память кубанского казачества становится востребована обществом, которое совершило очередной поворот в своем развитии. Стремительно возрождающееся кубанское казачество испытывало острую необходимость в наполнении своей духовной сферы через историческую память, вновь включив механизм ее трансляции.

Современный процесс трансляции исторической памяти кубанского казачества реализуется в трех временных векторах:

1. Направленность в прошлое с целью воскрешения славных боевых страниц, ярких портретов атаманов и героев, духовно-нравственных традиций;

2. Утверждение в настоящем через создание мест памяти, юбилейных мероприятий, научных исследований;

3. Устремленность в будущее, реализуя принцип преемственности, связывая дореволюционное историческое наследие, вбирая в себя и не отвергая опыт бытия в советский период и дополняя современными исследованиями и интерпретациями.

На современном этапе в рамках вопроса трансляции исторической памяти кубанского казачества идет активный процесс коммеморации путем восприятия прошлого через актуализацию его событий, персонажей и образов в контексте сегодняшней социокультурной и политической ситуации, и более всего это проявляется в региональном пространстве.

В рамках мемориальной практики создаются новые места памяти не только на уровне городов, но и на уровне станиц и хуторов. В Краснодаре, как столице казачьего края, появились памятники запорожским казакам, пишущим письмо турецкому султану, Екатерине II и первым атаманам Черноморского казачьего войска, боевому братству казаков и горцев в Первую мировую войну, в Тамани – казакам-переселенцам, в Ейске – Захарию Чепеге, в станице Старощербиновской – наказному атаману А.Д. Бескровному, в Тимашевске – И.Д. Попко; почти во всех станицах имеются памятники казакам-основателям. Таким образом, главная цель данных и многих других мемориальных проектов – восстановление исторической памяти – была достигнута.

С проблемой трансляции исторической памяти кубанского казачества напрямую стыкуется проблема ее трансформации на современном этапе. Эпоха романтизма и идеализма в казачьем движении 90-х гг. XX века тоже ушла в прошлое. Государство и политическая элита пытаются развернуть общество в сторону неоконсервативного пути развития, что не могло не отразиться на месте и роли казачества в общественной жизни. Императивы, поступающие от государства, жестко регламентируют степень дозволенного для казачества, определяют удобных исторических персонажей и ненужные страницы из прошлого, которые не стоит упоминать. Все это ведет к искажению исторической памяти кубанского казачества.

Само Кубанское казачье войско образца 2018 года далеко от того идеала, который рисовали себе потомки кубанских казаков, возрождающие его в 1990-е годы. Вместо служения народу и государству в разных сферах, оно трансформировалось в полицейскую структуру. С соответствующих неоконсервативных позиций пытаются трансформировать и историческую память кубанских казаков. В историческом поле обозначены «фигуры умолчания», имеющие непосредственное отношение к прошлому кубанского казачества, исследование которых, равно и всех аспектов их деятельности, и просто упоминания нежелательно – В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро, В.Ф. Рябоконт (Дюкарев, 2017: 159-167).

Еще один негативный фактор трансформации исторической памяти кубанского казачества – это раскол, происшедший в 1917 году и разделивший российское общество и казачество на прямолинейную систему идентификации «свой – чужой». Некогда единое полотно исторической памяти кубанского казачества также подверглось трансформации –

политико-идеологическое противостояние «красных» и «белых» прочно вошло в ее содержание.

Вызывает глубокое сожаление тот факт, что возникший на гребне революционных трансформаций в российском обществе раскол, поразивший и кубанское казачество, продолжает разделять россиян по разные стороны политических баррикад. В 1990 г. на первом Совете атаманов Союза казаков, его участники постановили «считать гражданскую войну для казачества оконченной, деление казаков на «красных» и «белых» – преступным» (Озеров, Киблицкий, 2002: 25). Однако, за прошедшие более чем четверть века так и не произошло примирения, укрепления единства казачества и окончательного формирования казачьей этнокультурной идентичности. Таким образом, представители различных течений в казачьем сообществе опираются каждый на свою историческую правду.

4. Заключение

Подводя итоги нашим размышлениям, необходимо отметить следующие тревожные тенденции, негативно характеризующие развитие современного российского общества в начале XXI века:

- механизм «трансляции – трансформации – преемственности» исторической памяти кубанского казачества как одной из этно-социальных групп российского общества в очередной раз подвергается насильственной коррекции, не пройдя необходимый эволюционный отрезок своего развития, не выполнив тем самым своего педагогического и социализирующего предназначения;

- историческая память кубанского казачества, являясь частным отражением общероссийского процесса, испытывает все усиливающиеся регламентирующие влияние со стороны политической власти, демонстрируемое на всех уровнях государственной структуры. Государственное влияние на историческое пространство неизбежно при любом государственном устройстве. Однако, пагубность современной ситуации заключается в неспособности российской политической элиты предложить обществу перспективные идеологемы, направленные в будущее, и ей ничего не остается, как эксплуатировать историческое наследие, придавая ему необходимую огранку. В этих условиях происходит подмена понятий «историческая память» на «есть мнение». В угоду политической конъюнктуры можно сделать «удобными» исторические факты и личности, и История с этим сиюминутно согласится, но Память существует по другим законам – она просто есть, живет в сердцах людей.

Однако, даже при наличии отрицательных трансформационных тенденций, историческая память кубанского казачества продолжает обновляться, наполняясь новыми историческими исследованиями, опытом, образами. Она продолжает и будет продолжать реализовывать функцию наследования культурных, духовных, нравственных ценностей для последующих поколений, являться механизмом самоидентификации кубанского казачества.

Литература

Дюкарев, 2017 – Дюкарев А.В. Персоны нон грата казачьей истории в отечественной историографии / *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 2017. С. 159–167.

Кознова, 2003 – Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // *Социология власти*. 2003. № 2. С. 23–34.

Короленко, 1874 – Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874.

Короленко, 1892 – Короленко П.П. Черноморское казачье войско (1775–1792). Исторический очерк. Екатеринодар, 1892.

Короленко, 1896 – Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696–1896: (Исторический очерк) / сост. П. П. Короленко. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1896.

Короленко, 1901 – Короленко П.П. Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска XVIII в. СПб., 1901.

Короленко, 1905 – Короленко П.П. Церковные древности Кубанских казаков. Екатеринодар, 1905.

Кухаренко, 1861b – Кухаренко Я.Г. Черноморский быт на Кубани между 1794-1796 годами // *Основа*. 1861. № 11. С. 6–41.

Кухаренко, 1861a – Кухаренко Я.Г. Вороний кинь // *Основа*. 1861. № 10. С. 21–25.

Матвеев, 2007 – Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности // *Культурная жизнь Юга России*. 2007. № 6. С. 35–36.

Нора и др., 1999 – Нора П., Озуф М., Пюшмеж Ж. де, Винок, М. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

Озеров, Киблицкий, 2002 – Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов-на-Дону, 2002.

Попко, 1872 – Попко И.Д. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872.

Попко, 1998 – Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар: «Советская Кубань», 1998.

Проблемы, б/г – Проблемы российского самосознания: историческая память народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=79e38eab-3e41-4869-a306-10062848f4b5>

Репина, 2005 – Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // *Феномен прошлого* / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005, С.122–169.

Романовская, 2010 – Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // *Философия и общество*. 2010. № 1. С. 98–109.

Савельева, Полетаев, 2005 – Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого* / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005, С. 170–220.

Тощенко, 2000 – Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: Анализ современного состояния // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 3–14.

Фелицын, 1888 – Фелицын Е.Д. Кубанское казачье войско 1696–1888. Воронеж, 1888.

Хальбвакс, 2005 – Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Хальбвакс, 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Щербина, 1910 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910.

Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913.

References

Dyukarev, 2017 – Dyukarev, A.V. (2017). Persony non grata kazach'ei istorii v otechestvennoi istoriografii [Persons non grata in cossack history in national historiography]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Rostov-na-Donu. pp. 159–167. [in Russian]

Felitsin, 1888 – Felitsyn, E.D. (1888). Kubanskoe kazach'e voiska 1696–1888 [Kuban Cossack troops 1696–1888]. Voronezh. [in Russian]

Khal'bvaks, 2005 – Khal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. № 2–3. pp. 8–27. [in Russian]

Khal'bvaks, 2007 – Khal'bvaks, M. (2007). Sotsial'nye ramki pamyati [Social memory framework]. М. [in Russian]

Korolenko, 1874 – Korolenko, P.P. (1874). Chernomortsy [Black seamen]. SPb. [in Russian]

Korolenko, 1892 – Korolenko, P.P. (1892). Chernomorskoe kazach'e voisko (1775–1792) [Black sea cossack host (1775–1792)]. *Istoricheskii ocherk*. Ekaterinodar. [in Russian]

Korolenko, 1896 – Korolenko, P.P. (1896). Dvukhsotletie Kubanskogo kazach'ego voiska, 1696-1896: (Istoricheskii ocherk) [Bicentennial of the Kuban Cossack Army, 1696-1896: (Historical Essay)]. sost. P.P. Korolenko. Ekaterinodar: Tip. Kuban. obl. pravl. [in Russian]

Korolenko, 1901 – *Korolenko, P.P.* (1901). Koshevye atamany Chernomorskogo kazach'ego voiska [Koshny atamans of the Black Sea Cossack troops of the XVIII century]. XVIII v. SPb. [in Russian]

Korolenko, 1905 – *Korolenko, P.P.* (1905). Tserkovnye drevnosti Kubanskikh kazakov [Church antiquities of the Kuban cossacks]. Ekaterinodar. [in Russian]

Koznova, 2003 – *Koznova, I.E.* (2003). Istoricheskaya pamyat' i osnovnye tendentsii ee izucheniya [Historical memory and the main trends of its study]. *Sotsiologiya vlasti*. № 2. pp. 23–34. [in Russian]

Kukhareenko, 1861a – *Kukhareenko, Ya.G.* (1861). Voronii kin' [Crow thrown]. *Osnova*. № 10. pp. 21–25. [in Russian]

Kukhareenko, 1861b – *Kukhareenko, Ya.G.* (1861). Chernomorskii byt na Kubani mezhdu 1794 – 1796 godami [Black sea life in the Kuban between 1794-1796 years]. *Osnova*. № 11. pp. 6–41. [in Russian]

Matveev, 2007 – *Matveev, O.V.* (2007). Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX vv.): kategorii voinskoj mental'nosti [The historical picture of the world of the Kuban Cossacks (late XVIII – early XX centuries): categories of military mentality]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. № 6. pp. 35–36. [in Russian]

Nora, Ozuf i dr., 1999 – *Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok, M.* (1999). Frantsiya – pamyat' [France – memory]. Per. s fr. D. Khapaevoi. SPb. [in Russian]

Ozerov, Kiblitiskii, 2002 – *Ozerov, A.A., Kiblitiskii, A.G.* (2002). Soyuz kazakov Oblasti Voiska Donskogo. Voiskovoi ataman M.M. Sholokhov (Istoriya sovremennogo donskogo kazachestva) [Union of Cossacks of the Region of the Don Cossacks. Military chieftain M.M. Sholokhov (History of the modern Don Cossacks)]. Issledovaniya i dokumenty. Rostov-na-Donu. [in Russian]

Popko, 1872 – *Popko, I.D.* (1872). Istoricheskie i biograficheskie ocherki [Historical and biographical essays]. Ekaterinodar. [in Russian]

Popko, 1998 – *Popko, I.D.* (1998). Chernomorskie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu [Black sea cossacks in their civil and military life]. Krasnodar: «Sovetskaya Kuban'». [in Russian]

Problemy, b/g – Problemy rossiiskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat' naroda [Problems of the russian self-consciousness: the historical memory of the people]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=79e38eab-3e41-4869-a306-10062848f4b5> [in Russian]

Repina, 2005 – *Repina, L.P.* (2005). Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamyati v sovremennoi istoriografii [Concepts of social and cultural memory in modern historiography]. Fenomen proshlogo. Red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M., pp. 122–169. [in Russian]

Romanovskaya, 2010 – *Romanovskaya, E.V.* (2010). Fenomen pamyati: mezhdu istoriei i traditsiei [Memory phenomenon: between history and tradition]. *Filosofiya i obshchestvo*. № 1. pp. 98–109. [in Russian]

Savel'eva, Poletaev, 2005 – *Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V.* (2005). «Istoricheskaya pamyat'»: k voprosu o granitsakh ponyatiya [“Historical memory”: on the question of the limits of the concept]. Fenomen proshlogo / Red. I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. M., pp. 170–220. [in Russian]

Shcherbina, 1910 – *Shcherbina, F.A.* (1910). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack troops]. T. I. Ekaterinodar. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack troops]. T. II. Ekaterinodar. [in Russian]

Toshchenko, 2000 – *Toshchenko, Zh.T.* (2000). Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory: Analysis of the current state]. *Novaya i noveishaya istoriya*. № 4. pp. 3–14. [in Russian]

Историческая память кубанского казачества: трансляция – трансформация – преемственность в условиях современной модели российского общества (начало XXI века)

Андрей Викторович Дюкарев ^{а, *}

^а Институт специального среднего образования Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье актуализируется кризисное состояние механизма «трансляции – трансформации – преемственности» исторической памяти кубанского казачества как одной из этносоциальных групп российского общества. Кубанское казачество активно интегрируется в систему российского общества, возрождаясь после длительного периода латентного существования в условиях советской государственно-политической системы. В попытках обрести свою идентичность, кубанское казачество обращается к исторической памяти, сталкиваясь с проблемами трансляции, трансформации и преемственности, обусловленными особенностями развития современного российского общества.

Ключевые слова: кубанское казачество, историческая память, этносоциальная идентичность, трансляция, трансформация и преемственность исторического прошлого, развитие российского общества.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mr.dk72an@yandex.ru (А.В. Дюкарев)